

**ВОПРОСЫ ДЕОНТОЛОГИИ В НАУКЕ И НАУКОЁМКОМ БИЗНЕСЕ
(Морально-этические, психолингвистичекие и правовые аспекты)**

"Внедрение - время борьбы против тупости и зависти, безразличия и злобы, тайных противников и открытого столкновения интересов, страшное время борьбы, всегда мучительное даже при достижении успеха. Изобретение приходит в жизнь сквозь бесчисленные неудачи и компромиссы. Вот почему любой изобретатель должен быть оптимистом".

Рудольф Дизель.

Мнение великих вместо авторского предисловия

Геттингенский профессор Г. Ликтенберг (1742-1799 гг.) был в свое время избран почетным членом Российской академии наук за свои физические исследования. Но он был еще философом и литератором, высоко оцененным Кантом, Гёте, Герценом, Толстым. Поэтому особенно ценны и интересны его мысли о науке и ученых.

- ▣ *Часто некоторые люди становятся учеными так же как другие солдатами только потому, что они больше ни к какому делу непригодны...*
- ▣ *В слове "ученый" заключается только понятие о том, что его много учили, но это еще не значит, что он чему-либо научился.*
- ▣ *Человек, который не может рассуждать экспромптом о проблемах своей специальности, а должен сначала заглянуть в свои записки или свою библиотеку, безусловно, ремесленник...*
- ▣ *Есть люди, которые полагают, что все, что делается с серьезным видом, разумно.*
- ▣ *Многих из наших популярных гениев нам придется считать за полудурью до тех пор, пока мы не станем такими же умными, как они.*
- ▣ *Время ученого - самое дорогое время человечества.*

Луи Пастер.

Я пришел в науку в 1958 году лаборантом кафедры с 4 языками в запасе, ужоку из нее профессором, в лучшие времена, пользуюсь основными европейскими и тремя восточными, посетив всю свою жизнь без остатка судебную медицину. Именно благодаря судебной медицине облетал и объездил я весь Союз, почти пол-Европы, слетал и за океан. А в принципе, я и не ужоку, т. к. руководство Украинской Секцией Ассоциации судебных медиков стран Причерноморья и Дуная,

которую я в свое время создал, редакционная работа в международном научном журнале "Власть. Человек. Закон", Информационном Бюлетне Секции, разработка новых приборов и диагностических методов, активная переписка с коллегами всего мира не дают мне права на спокойный уход. А написание монографий, информационно-методических пособий, многочисленных статей, стендовых докладов в разных странах? Только к старости я понял смысл древней арабской поговорки: "Чернила ученого столь благородны, как и кровь воина". Древние говорили: "Ни дня без строчки". А в свое время Плиний Старший сказал: "Природа отпустила нам мало времени и потомки наши будут судить о нас по трудам нашим". Так что писать труды стоит. Мне в жизни повезло, ибо мне удалось не только написать несколько нужных коллегам книг, но и создать в свое время три Библиотечки: Межрайонного судмедэксперта, Преподавателя

Энциклопедия

"Библиотечки персоналий специализированное научно-исследовательское учреждение".

Экслибрис
"Библиотечка Института
судебной медицины"

судебной медицины, Студента-правоведа. Мне это на склоне лет удалось сделать довольно легко, поскольку сразу же после окончания мединститута проработал до аспирантуры три года разъездным судмедэкспертом (была тогда такая форма работы) на семь (!) сельских районов. Став в 1967 году ассистентом кафедры судебной медицины не прекращал работать в секционном зале и на ме стах происшествиях. Кроме этого почти четверть века проработал в физико-техническом отделении (так оно тогда называлось) под руководством выдающегося судебно-медицинского криминалиста Анатолия Николаевича Ратневского. Сердечно благодарен ему за криминалистическую выучку. Все эти годы я преподавал судебную медицину студентам-медикам и юристам.

Своим студентам всегда говорил и продолжаю говорить: "В странах Европы, ведущих странах Азии, США к полицейской службе и экспертной работе не подпускаются на пушечный выстрел люди случайные, а тем более безразличные". Нельзя забывать знаменитые слова писателя Бруно Ясенского: "Враг может убить, друг может предать. Бойтесь равнодушных, ибо с их молчаливого согласия люди убивают и предают". Да и случайные, равнодушные, нечистые на руку люди там в науку не могут пробиться ни под каким соусом. А рыб-принципал от науки я там практически не встречал. Уж больно там все прозрачно.

Сразу же после защиты диссертации в Москве Главный судебно-медицинский эксперт Союза академик А. П. Громов и Главный танатолог Союза В. Г. Науменко поручили мне испытать диагностические приборы в различных климатических зонах, собрать и провести заодно семинары с судмедэкспертами. В течение 80-90 гг. пришлось мне облетать и объездить почти весь Союз. Затем пришлось проводить такие же семинары с коллегами Болгарии, Венгрии, Польши, Германии, Франции. А тем временем один из самых важных приборов пошел в серию (малую в Риге на заводе ВЭФ, большую в Запорожье).

Рассказать обо всем хорошем и плохом трудно. Трудно втиснуть в прокрустово ложе журнальной статьи материалы несколько книг: автобиографическая повесть "Поводырь слепой Фемиды", записки разъездного эксперта "Мертвый узел" и книгу "Вопросы деонтологии в науке и нашем бизнесе". Попытаюсь это сделать в виде такого себе дайджеста в журнальной статье.

Отглядывая назад можно сказать что научные поиски, многочисленные исследования, публикации, доклады на съездах и наконец защита - это целая эпопея. Собственно говоря, защита еще делу не конец. Наступает время внедрения результатов, о чем так хорошо сказал Рудольф Дизель.

Не все радуются вашим успехам. Вы работали много бессонных лет с глазами. Говорят, что глаза это зеркало души. За эти годы мне удалось довольно точно определить именно по глазам когда же душа покидает наше тело. Мой метод прост, надежен, применим в разных климатических зонах. Он гораздо лучше и точнее химических. "А где это написано?", - говорит начальство и старается всячески помешать мне исследовать объект дальше. А где это написано? Очень скоро это будет написано во многих учебниках и руководствах Союза, Болгарии и других стран.

Полнональный термограф пишет температуру из нескольких точек, дает цветную распечатку. Регулировали его лучшие специалисты города. И место ему нашлось в пустующей нише

секционного зала, а сверху выстроились на крышке микроскоп, электрораздражители и другие приборы.

Термограф испытан на расследовании одновременного убийства трех лиц. Он дал хорошие результаты. На испытаниях было начальство. Перед отпуском внутренний голос подсказал почему-то забрать стоявшие на термографе приборы на кафедру. По возвращению из отпуска я застал термограф с поврежденными электросхемами стоявшим в коридоре, а в нише секционного зала были собраны венки, плохо помытые передники, швабры и прочее другое. Хотя место для всего этого было. На мой вопрос санитары ответили: "Извините! Это не мы. Начальство приказало".

Шеф на кафедре называл мой чемоданчик эксперта с набором диагностических приборов не иначе как "Ваш дурацкий ящик". Главу об инструментальных и приборных исследованиях предлагал выбросить из диссертации. И только своевременные публикации, интерес Москвы и всего Союза после выступления на съезде спасли положение. Всего и не опишешь.

Вечернее чаепитие на кафедре с участием коллег из Бюро. Шеф жагуется на московское начальство о не допустившее, уже второй раз, его докторскую на предпринятельную защиту. Говорят что не все результаты убедительны. "Я тут им с химиками сюрприз приготовил", - горячится шеф. И начинает подробно рассказывать как он докажет видовую принадлежность золы, даст четкое различие между золой человека и животного. Не дослушав до конца аргументы доцента, стоящий рядом эксперт сказал: "А к чему все эти сложности? Это же банальная цитология. Точнее остеодитология." Шеф оторопел вначале, а затем заменив слово "остео" полуприличным, пригласил всех пить чай.

Я сказал одному коллеге: "Смотри как одним ударом Борис Степанович рассек этот многолетний Гордеев узел". Тот не ответил, но в глазах его вспыхнул вдруг огонек значения которого я понял через много лет. О новом направлении - остеодитологии в тот вечер больше не говорили.

А события шли своим чередом. Утром шеф позвал нас к себе в кабинет, где на двух столах стояли все наличные на кафедре микроскопы.

"Интересная картина получается", - сказал шеф и пригласил нас взглянуть по очереди в каждый микроскоп. Все препараты золы животных и человека разительно отличались друг от друга. Действительно многолетний Гордеев узел был разрублен одним ударом. Успешная защита диссертации в Москве, формирования нового направления, буквально клонирование следующих диссертационных работ, публикации, публикации, предложения, методические письма. Фамилия Бориса Степановича никогда не звучала в этих работах. А ему все это было, как говорят нынешние студенты "по большому ударному инструменту". Он успешно защитился по цитологии крови, изучая ее характеристики для определения пола.

С научным руководителем не принято спорить, особенно до защиты. И я старательно отработывал методики рекомендованные шефом, но как говорится "в науке шаг влево и шаг вправо не запрещены и случаются". Так случилось и со мной. На стыке нескольких наук я совершенно неожиданно раскопал интересную методику. Отробовал ее в многочисленных экспериментах, все взвесил и пришел к выводу, что нужно методику патентовать. Дело за согласием шефа.

"Зачем вам отелекаться от основных исследований? А эта патентная волокита? Нет, нет и еще раз нет! Пишите статью в центральный московский журнал. Изложите все, обоснуйте. На это даю добро!"

В те времена журнал этот был "фаховым", как говорят сейчас для всего Союза. Публикация эта очень поможет защите. Пишу тщательно все выверяю и жду ответа от рецензента журнала, как тогда говорили "черного рецензента". Ответ не заставил себя ждать. Вежливо, довольно краткий, но убийственный - статью еще рано публиковать, кое-что нужно проверить и т.д.

Всюре я обнаружил аналог своей статьи с некоторыми незначительными дополнениями с авторством "рецензента" и его ученика. Все последующие годы на всех республиканских союзных конференциях, съездах, симпозиумах он много улыбался и энергично тряс мою руку. В этой ситуации вопрос о патентовании отпал сам собой. А обидно! Хотя потом разработка наша стала частью

большого союзного методического письма, и особенно пригодилась в условиях работы экспертов в пустынях. Как говорится: "Рукописи не горят!" Иногда их просто воруют при удобном случае.

Студентам я всегда говорю: "У жрецов храма науки на их белых одеждах не должно быть ни единого темного пятнышка".

Возьмем, к примеру, работу наших авторских коллективов. Обо всех я не скажу ничего плохого, а о некоторых...

Лично мне, к несчастью, выпало столкнуться с авторским коллективом, а точнее с семейным подрядом по написанию коллективного учебника. Раздаются главы по неизвестной системе Попандопало - это глава моя, и эта моя, эта тоже моя, а эта если не моя, то моего чада. И так каждый папа. Втягивая за уши свое чадо в большую науку (написание учебника не пустяк), попутно подкладывают ему небольшую свинку, т.к. авторский коллектив иногда превращается в лютых мародеров от науки.

О первом издании учебника расскажу в другой статье. Собственно говоря, ничего экстраординарного там нет. А вот во втором и третьем издании книга потеряла двух соавторов. Один умер, а второй тяжело заболел (4 операции и 2 мощных облучения). Что делается обычно. Приписано написанная глава покойного соавтора может без любых изменений быть перенесена во второе издание, а фамилия автора берется в традиционный печальный квадратик. В случае каких-то дополнений указывается еще один соавтор, дополнивший главу. А исчезновение приболевшего соавтора со страниц второго и третьего издания (три главы не пустяк!) свидетельствует о том, что морально-этический уровень оставшихся ниже плинтуса, как говорят современные студенты!

Прихожу на семинарское занятие с первым изданием коллективного учебника. В этом издании пока еще "все дома". Приятно видеть у студентов в первом ряду 3-4 такие же книги. Поздравления и масса вопросов по книге. Я и сейчас почти все их помню. А как распределяются между авторами главы? По жребию или кто лучше этот материал знает? Вот у автора одна единственная глава? Он, что самый молодой и неопытный?

Отвечаю бойкой любопытствующей студентке: "Я бы этого не сказал. Это автор первого учебника Судебной медицины для слушателей ВУЗов МВД Украины, зав. кафедрой, подполковник милиции, работает над докторской". Бойкая студентка не совсем удовлетворена моим ответом, спрашивает снова: "А вот вы нам рассказываете много об осмотре места происшествия, используете такие примеры, предлагаете свои методики и приборы, а пишете совсем о другом".

Что ответить ей? Объездив со своими приборами и методиками почти весь Союз, а затем, обучая этим методикам коллег пол-Европы, дежуря с опергруппами в нескольких европейских столицах, я мог бы сделать из этой главы картинку. Один соавтор говорит: "Там сынок в главе по осмотру такое написал, такое написал...". Читаю, ничего особенного, да и при таком стаже работы не могло быть иначе.

Да и главу по авиационной травме, имея за спиной 2 аэроклуба, службу в ВДВ, несколько воздушных собственных "внештатных ситуаций", спецкурс авиационной медицины, участие в союзных семинарах по авиакатастрофам мог бы написать солиднее других.

Это же можно сказать о судебно-медицинской баллистике и взрывной травме. Имеющий армейский ВУС - "инструктор по спец-оружию и взрывным устройствам" может рассказать о действии этого оружия и устройстве многое, даже в рамках дозволенного.

Любопытствующая студентка продолжает засыпать меня вопросами. Отвечаю: "В последующих изданиях постараюсь понять ... и расскажу о другом". Она задает очередной вопрос о распределении глав и тогда сосед ее говорит: "А обрати внимание на инициалы в фамилиях

соавторов". Аудитория на несколько секунд замолкает и взрывается хохотом.

Создавать диагностические приборы трудно, но еще труднее их тиражировать. Промышленность уже дышит на ладан, в недрах партийно-комсомольских общагов как черви после дождя появляются многочисленные фирмы и фирмочки. Дико слышать из уст хорошо знакомого человека: "Пришло время закупать наших Кулибиных на корню!" Их пытаются закупить, особенно многолетние разработки, тиражируют приборы, успешно продают их, но с авторским гонораром не спешат. Говорят: "Вот наберется солидная сумма, тогда и выплатим все сразу!" Суммы набираются, но оптовые закупщики Кулибиных требуют еще и все многолетние разработки. Некоторые предлагают помочь с патентованием при условии вписывания в патент 2-3 "нужных людей из Киева", даже не самих этих людей, а их чад. Некоторые "фирмы" как бы, между прочим, рассказывают о "закатывании под асфальт", снижении киплерских расценок. Чувствуешь всем естеством, что времена Рудольфа Дизеля не канули в лету.

О времена, о нравы! Соавтор, с которым проработал не один десяток лет, в дни зарплаты отдающий лаборанту копеечный дожд, с любовью трамвайного щипача приквотирует несколько ваших глав. Одна глава оставлена, но к ней клеится еще один, дабы создать видимость типа "и мы пахали в этой тематике".

Хочется посоветовать молодым: "Пока вы еще не разуверитесь в людях, пока еще не поздно - садитесь писать собственные монографии и руководства. Их все же сложнее приквотируют".

И твердо запомните, что лица страдающие "хроническим жабопрессингом" способны на любую низость. Бог им судья!

Мы помним слова Луи Пастера. И если ученый потратил свое время на изобретение, научные разработки, написание трудов, то посягать на все это кому-либо право грешно.

Не секрет, что время от времени в чистый храм науки прорываются люди с нечистыми помыслами и руками. Долг настоящих ученых защитить науку и бить по этим рукам. Англичане говорят: "Один не может знать всего". А я скажу, что это и не нужно. Настоящий ученый тоже знает не все, но знает достаточно много. И за это его стоит уважать, а не подло обворовывать.

*Билхун В. В.
кандидат медицинских наук,
профессор кафедры уголовного права и правосудия
юридического факультета ЗНУ*